T29 1
87

Т29 1/87

ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

2769/1

С. Платонова.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв. 1883 г. Мартъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Ср. Подьяч., № 1.
1883.

Т29 1/87

ЗАМѢТКИ

ПО

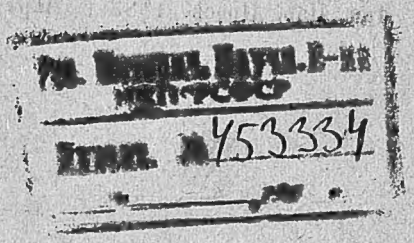
ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

С. Платонова.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв. 1883 г. Мартъ).

2469/1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Ср. Подьяч., № 1.
1883.



МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Въ нашей ученой литературѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе можно насчитать до двадцати статей, посвященныхъ земскимъ соборамъ, что̀ свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, съ какимъ значительнымъ интересомъ относится наша наука къ этому любопытнѣйшему явленію въ жизни Московскаго государства. Казалось бы, что въ такой массѣ статей весь матеріалъ, предлагаемый источниками, уже исчерпанъ, всѣ темныя частности вопроса выяснены, на сколько то позволяло состояніе источниковъ, и новаго сказать о вопросѣ уже нечего. Но это не совсѣмъ такъ. Вчитываясь въ богатую по объему литературу вопроса, знакомый съ предметомъ легко можетъ замѣтить, что большинство статей о земскихъ соборахъ не стоятъ—и даже не стояли въ моментъ своего появленія — на должной научной высотѣ. Этого нѣтъ надобности и доказывать. Съ другой стороны, писавшіе о земскихъ соборахъ ученые не исчерпывали всего того матеріала, какой даютъ для исторіи соборовъ наши археографическія изданія. Достаточно сказать, что до сихъ поръ совершенно оставались въ сторонѣ „Дворцовые Разряды“ и „Книги Разрядныя“, которыя, строго говоря, должны стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ для исторіи соборовъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича по сравнительному обилію данныхъ для нашего предмета. Далѣе, много частностей вопроса, несмотря на то, что о нихъ шла уже рѣчь, остаются нерѣшенными и темными. Въ видѣ примѣра можно указать на вопросъ о томъ, были-ли наши соборы собраніями сослов-

ными или же нѣтъ. Источники съ достаточной ясностью говорятъ и о сословности древне-русскаго представительства и о сословномъ характерѣ совѣщаній на соборахъ. В. И. Сергѣевичъ съ достаточной убѣдительностью сгруппировалъ эти данныя въ своей превосходной статьѣ о соборахъ. Между тѣмъ, уже послѣ выхода въ свѣтъ труда В. И. Сергѣевича, нѣкоторые ученые высказались противъ его мнѣнія о сословномъ характерѣ земскихъ соборовъ и, должно признать, высказались съ весьма шаткой аргументаціей. Тѣмъ не менѣе, эта аргументація не вызвала до сихъ поръ возраженій. Наконецъ, послѣ появленія (въ 1877 г.) послѣдняго обстоятельнаго обзора земскихъ соборовъ казанскаго профессора Н. П. Загоскина, напечатаны нѣкоторыя новыя данныя о соборной практикѣ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ настоящее время является возможность пересмотра вопроса о земскихъ соборахъ съ надеждой достигнуть, хотя бы въ частностяхъ, нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ, положеній, замѣчаній. Нѣсколько такихъ замѣчаній и предлагаются въ нашей статьѣ.

Начать намъ придется съ перваго земскаго собора, созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ во дни его юности. До сихъ поръ не установленъ точно годъ этого собора: Н. М. Карамзинъ повѣствуетъ о соборѣ между 1547 и 1550 гг. (Ист. Гос. Росс., т. VIII, изд. Слениныхъ, стр. 102 и слѣд.); И. Д. Бѣляевъ и В. И. Сергѣевичъ полагаютъ, что соборъ происходилъ въ 1548 г. (Моск. Унив. Изв. 1866—1867 г. № 4, стр. 241, 251. — Сборн. Госуд. Знаній, II, 5); Н. П. Загоскинъ относитъ соборъ къ 1548—1549 гг. (Ист. права Моск. Госуд. I, 214); С. М. Соловьевъ говоритъ, что царь Иванъ могъ обратиться къ народу „не ранѣе 20-го года“ своего возраста, а этотъ годъ возраста царя приходится, какъ извѣстно, на время отъ 25-го августа 1549 г. до 25-го августа 1550 г. (Ист. Россіи, т. VI, изд. 4-е, стр. 52). Наконецъ, Е. Е. Замысловскій (Сборн. Гос. Знаній, II, отдѣлъ 2-й, стр. 130) и М. О. Кояловичъ (Три подъема русск. народн. духа“, стр. 6) полагаютъ, что соборъ былъ въ 1550 году. При всемъ этомъ разногласіи любопытно то, что изслѣдователи, кромѣ г. Замысловскаго, не указываютъ тѣхъ мотивовъ, по какимъ они предпочитаютъ тотъ или другой годъ. Отыскивая въ источникахъ точку опоры, которая позволила бы намъ сознательно примкнуть къ какому-либо мнѣнію, мы нашли таковыхъ двѣ: 1) Въ Степенной Книгѣ по списку Хрущова, которымъ пользовался Карамзинъ (т. VIII, прим. 182, 184), и отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ (т. II, № 37), мы

читаемъ, что царь Иванъ Васильевичъ „бысть въ возрастѣ 20-го году", когда онъ съ воззваніемъ обратился къ народу на Красной площади. Двадцатый же годъ жизни царя приходится, какъ сказано, на 1549—1550 годы. Эту данную, очевидно, и имѣлъ въ виду Соловьевъ; на неё опирается и г. Замысловскій. 2) Другая же данная находится въ предисловіи къ Стоглаву. Въ немъ помѣщена, между прочимъ, рѣчь царя Ивана къ Стоглавому собору, происходившему, какъ извѣстно, въ 1551 году. Царь говоритъ: „Въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре также. и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ. и бояре мои (и) всѣ приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. да благословилися есми у васъ тогды же судебникъ исправити по старинѣ".... (Стоглавъ, изд. 1862 г., Казань, стр. 46 — 47, и изд. 1863 г., С.-Пб., стр. 38 — 39). Въ этой картинѣ всеобщаго покаянія, прощенія и примиренія легко можно видѣть указаніе на первый земскій соборъ, который, дѣйствительно, имѣлъ нравственное значеніе. Другой мѣры подобнаго всеобщаго умиротворенія мы за то время не знаемъ. А при такомъ пониманіи вышеприведенныхъ словъ царя для насъ важное значеніе пріобрѣтаютъ слова: „въ предыдущее лѣто". Значитъ, земскій соборъ былъ только однимъ „лѣтомъ" ранѣе собора Стоглаваго и одновременно („тогды же", какъ выражается царь Иванъ Васильевичъ), когда составлялся Судебникъ, то-есть въ 1550 г. Этотъ выводъ совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Степенной Книги Хрущова, что царь Иванъ созвалъ соборъ въ двадцатый годъ своей жизни. Такимъ образомъ, выражаясь точно, мы имѣемъ право полагать, что первый земскій соборъ произошелъ по московскому счету въ 7058 году, иначе въ промежутокъ времени между 1-мъ сентября 1549 и 1-мъ сентября 1550 года.

Оставляя въ сторонѣ прочіе земскіе соборы XVI вѣка, какъ достаточно описанные [1]), остановимся на обстоятельствахъ 1612 года,

[1]) Впрочемъ, умѣстнымъ здѣсь будетъ упомянуть о земскомъ соборѣ 1566 года. Вмѣсто одной приговорной грамоты этого собора (Собр. Г. Гр. и Дог. I, № 192 и Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, стр. 1 — 42) будущій историкъ долженъ принять къ свѣдѣнію и еще одинъ документъ, чрезвычайно интересный. Это —

на исторіи втораго земскаго ополченія. Н. И. Костомаровъ, послѣдній по времени изслѣдователь смуты XVII вѣка, говоря объ ополченіи 1612 г., сообщаетъ, что у князя Д. М. Пожарскаго было желаніе „окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли“ („Смутное время“, т. III, гл. 3-я, I). Но почтенный историкъ умалчиваетъ, осуществилось ли такое желаніе или нѣтъ, и нигдѣ въ литературѣ на это указаній не находится. А между тѣмъ существуютъ данныя, хотя и не совсѣмъ точныя, но позволяющія высказаться по этому вопросу съ достаточной опредѣленностью.

Сборнымъ пунктомъ втораго ополченія былъ Ярославль. По прибытіи туда въ апрѣлѣ 1612 г., князь Пожарскій и всѣхъ чиновъ люди, съ нимъ бывшіе, отправляютъ по городамъ грамоты (Собр. Г. Гр. и Дог. II, № 281; Др. Росс. Вивл. XV, стр. 180; А. Э. II, № 203), въ которыхъ, прося себѣ у городовъ матеріальной поддержки, просятъ въ то же время, чтобы города прислали къ нимъ „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два по три“ для „земскаго совѣта“ и „совѣтъ свой отписали за руками“ о томъ, какъ бы въ такое трудное время не остаться безгосударнымъ, какъ стоять противъ враговъ русской земли, какъ ссылаться безъ царя съ иностранными государями и какъ устроивать впредь государственный порядокъ. Изъ грамотъ видно, такимъ образомъ, что города призывались дать своимъ выборнымъ инструкціи не только объ избраніи царя, но и объ управленіи государствомъ до этого избранія. Стало быть, въ войскѣ Пожарскаго было, дѣйствительно, желаніе вручить управленіе страною представителямъ земщины, а не личному усмотрѣнію немногихъ избранныхъ вождей. Осуществилось ли это желаніе, то-есть, собрался

такъ-называемая Александро-Невская Лѣтопись, извѣстная и Карамзину, и Соловьеву, но напечатанная очень недавно (Русск. Историч. Библіотека, III, ст. 161—294). Она никѣмъ еще не разслѣдована относительно состава и происхожденія, но, безъ сомнѣнія, составляетъ надежный источникъ по массѣ доброкачественнаго матеріала. Это — лѣтопись оффиціальнаго характера, по строю своему любопытная тѣмъ, что являетъ собою переходную ступень между лѣтописью и позднѣйшими разрядами. Собственно о соборѣ 1566 г. въ ней заключается много частностей, дополняющихъ соборный протоколъ. Такъ лѣтопись говоритъ, что соборъ происходилъ въ личномъ присутствіи царя и его родни; далѣе объясняетъ, почему на соборѣ не было митрополита; указываетъ точно день соборнаго засѣданія (28-го іюня) и проч. Кромѣ того, любопытныя указанія объ этомъ соборѣ приводятся А. П. Барсуковымъ въ его трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» (т. I, 286), но не извѣстно, откуда онъ ихъ почерпнулъ.

ли въ Ярославлѣ земскій соборъ, мы можемъ догадываться по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего, распоряженія тогдашней исполнительной власти, князя Пожарскаго „съ товарищи", дѣлались „по боярскому приговору и совѣту всей земли", „по указу всей земли", „по приговору всей земли", какъ объ этомъ говорится въ самихъ грамотахъ Пожарскаго (А. Э. II, №№ 204, 205, 206, А. И. II, №№ 336, 337, 339, 341, 343; Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, Лебедева, стр. 45—46, №№ 255 и 257). Это указываетъ намъ, что соборное начало находилось въ большомъ почетѣ въ земскомъ ополченіи 1612 г., если его начальники распоряжались именемъ земскаго совѣта; но отсюда еще нельзя заключать, строго говоря, о дѣйствительномъ существованіи при князѣ Пожарскомъ совѣта выборныхъ отъ земщины. Въ смутное время, до образованія втораго ополченія, зачастую злоупотребляли именемъ земщины и ея иниціативѣ приписывали такія дѣла, въ которыхъ она совершенно не участвовала; такъ, напримѣръ, земщинѣ приписывался въ оффиціальныхъ грамотахъ выборъ на царство В. И. Шуйскаго и королевича Владислава, тогда какъ и то и другое было дѣломъ немногихъ власть тогда имѣвшихъ лицъ. И въ данномъ случаѣ, упоминаніе въ грамотахъ общаго земскаго совѣта, повторяемъ, еще не давало бы намъ права дѣлать выводъ о дѣйствительномъ его существованіи въ 1612 году,—еслибы о немъ не упоминали еще и лѣтописцы. Они вообще мало и кратко говорятъ о земскихъ соборахъ, но за то на ихъ сообщенія въ этомъ дѣлѣ — mutatis mutandis — можно болѣе положиться, чѣмъ на нѣкоторыя торжественно-риторическія окружныя грамоты той эпохи. Въ лѣтописяхъ же того времени мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ указаніями, что въ Ярославлѣ дѣла рѣшались „всею ратью", „всѣми ратными людьми", чего, конечно, нельзя понимать буквально: не могла же вся масса ополченцевъ принимать участіе въ рѣшеніи, напримѣръ, дѣлъ чисто-дипломатическаго характера, не всегда удобныхъ для гласнаго обсужденія и недоступныхъ пониманію всякаго ополченца. Мы должны предположить въ данномъ случаѣ у совѣта всей рати извѣстную организацію, по всей вѣроятности, выборную, въ чемъ утверждаетъ насъ до нѣкоторой степени и аналогія съ совѣтомъ въ рати Ляпунова въ 1611 году. Тамъ дѣла рѣшались не вѣчевымъ порядкомъ, а выборными людьми, какъ говоритъ Карамзинъ (т. XII, изд. 1829 г., стр. 310). Если вѣрить лѣтописи, то не только ратные люди принимали участіе въ обсужденіи земскихъ дѣлъ, но и духовенство и посадскіе. Лѣто-

пись говоритъ, что вскорѣ по прибытіи ополченія въ Ярославль, Пожарскій и К. Мининъ созвали „всю рать свою, властей призваша и посадскихъ людей“ и разсуждали, „какобъ земскому дѣлу было прибыльнѣе“: какой политики держаться относительно Шведовъ и бродячихъ казаковъ. Самый предметъ совѣщанія, очень сложный, дѣлалъ неудобнымъ вѣчевое его обсужденіе. Рѣшено было послать въ Новгородъ посольство, чтобы уладить нейтралитетъ Шведовъ, а противъ казаковъ рѣшили воевать (Новый Лѣт., 148—149; Ник. Лѣт. VIII, 181; Лѣт. о мят., изд. 2-е, 243). Въ іюлѣ 1612 г. снова представилась нужда отправить въ Новгородъ пословъ по дѣлу о кандидатурѣ на русскій престолъ шведскаго принца. Лѣтопись говоритъ, что по этому дѣлу „Московскаго... государства народъ, митрополитъ Кириллъ и начальники и всѣ ратные люди“ написали грамоту въ Новгородъ, что они шведскому королевичу „всѣ ради“, если онъ приметъ православіе (Ник. Лѣт. VIII, 184; Лѣт. о мятеж., 248; Иначе: въ Нов. Лѣт., 150). Эта грамота ратныхъ людей дошла до насъ (Доп. къ А. И., I, № 164). Писана она отъ лица бояръ и воеводъ и отъ „всѣхъ чиновъ всякихъ людей всѣхъ городовъ“. Изъ этой грамоты, между прочимъ, ясно видно, что отношенія Новгорода и Ярославля были въ то время настолько сложны, что обсужденіе ихъ не могло происходить на вѣчѣ, а требовало извѣстной организаціи, болѣе дѣлу соотвѣтствовавшей. Наконецъ, о примѣненіи ратью соборнаго начала для рѣшенія дѣлъ въ лѣтописи мы находимъ и еще одно указаніе. Какъ извѣстно, на жизнь князя Пожарскаго сдѣлано было въ Ярославлѣ покушеніе. Виновнаго поймали и повели, какъ выражается лѣтопись,—„всею ратью и посадскіе люди къ пыткѣ и пыташа ево, онъ же все разказаше и товарищей своихъ всѣхъ сказа, и ихъ переимаша, они же всѣ повинишася, и землею жъ ихъ всѣ разослаша по городомъ, по темницамъ“ (Ник. Лѣт. VIII, 186; Лѣт. о мятеж., 250; Нов. Лѣт., 151). Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ соборное рѣшеніе дѣла. Соборное начало примѣнялось ополченіемъ и послѣ взятія Москвы отъ Поляковъ. Это видно изъ одной позднѣйшей сравнительно грамоты земскаго собора 1613 года. Соборъ 1613 г., выбравъ на царство Михаила Ѳедоровича, вступилъ съ нимъ въ письменныя сношенія и, между прочимъ, въ мартѣ 1613 г. писалъ ему изъ Москвы о томъ, что всякаго рода запасовъ для царскаго дворца въ разоренной Москвѣ еще не имѣется, хотя о нихъ уже думали и объ ихъ собираніи распорядились уже давно. „.... И до насъ, холопей твоихъ“, писали выборные земскіе люди,—

„послалъ бояринъ князь Дм. Т. Трубецкой да столникъ князь Дмитрей Пожарскій, для твоихъ государевыхъ обиходовъ, отписывать дворцовыхъ селъ.... по приговору Кирилла митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собору и по совѣту всеа земли“ (Дворц. Разр., I, Прилож. № 12). Кто же могъ составлять въ данномъ случаѣ „совѣтъ всеа земли“, какъ не тѣ люди, которые его составляли въ Ярославлѣ, и когда могли они заботиться о дворцовыхъ припасахъ, какъ не по взятіи уже Москвы отъ Поляковъ?

Итакъ, группируя еще разъ всѣ данныя о соборѣ 1612 г., мы видимъ, что, вопервыхъ, князь Пожарскій желалъ окружить себя соборомъ земскихъ представителей (это фактъ достовѣрный); вовторыхъ, въ своихъ распоряженіяхъ власти земской рати постоянно опирались на авторитетъ земскихъ приговоровъ; втретьихъ, лѣтописцы неоднократно говорятъ объ участіи духовенства, служилыхъ и посадскихъ людей въ обсужденіи и рѣшеніи дипломатическихъ и иныхъ дѣлъ, чему мы имѣемъ подтвержденіе въ дипломатической грамотѣ ополченія въ Новгородъ, писанной отъ лица „всѣхъ чиновъ .... людей всѣхъ городовъ“, а не отъ лица только воеводы, и, наконецъ, вчетвертыхъ, мы знаемъ документальную данную, что въ 1612 г. въ Москвѣ, до созванія избирательнаго собора 1613 года, происходилъ „совѣтъ всеа земли“. Какіе же выводы можемъ мы сдѣлать изо всего этого? Прежде всего одинъ непоколебимый, какъ намъ кажется, выводъ: въ земскомъ ополченіи 1612 года—и до и послѣ взятія Москвы—власть не сосредоточивалась въ рукахъ однихъ излюбленныхъ воеводъ, а раздѣлялась земскимъ соборомъ, составъ коего намъ точно неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что соборъ этотъ состоялъ изъ трехъ главныхъ элементовъ тогдашняго общества: изъ духовныхъ, служилыхъ и тяглыхъ (посадскихъ) людей обычный составъ московскихъ земскихъ соборовъ. Одного сказать не можемъ, были ли соборные участники правильными представителями земщины. Пожарскій звалъ такихъ представителей. Можетъ ли быть, чтобы земля, находившаяся тогда въ порывѣ патріотическаго энтузіазма, не отозвалась на приглашеніе своего вождя и не послала „по два, по три“ уполномоченныхъ изъ города, когда посылала цѣлыя дружины и послѣднее достояніе? [1]).

---

[1]) Если мы допустимъ, что въ ополченіи 1612 г. были горожане, главною обязанностію которыхъ было участвовать въ земскомъ совѣтѣ при князѣ Пожарскомъ, то это предположеніе поможетъ намъ, можетъ быть, разгадать одну темную частность въ исторіи тѣхъ лѣтъ. Г. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что послѣ взятія Москвы, которое совершилось около 26-го октября

Принято думать, что временное московское правительство позаботилось о созваніи выборныхъ для избранія государя только въ декабрѣ 1612 г. Такъ пишетъ и Соловьевъ (Ист. Р. т. VIII, изд. 1873 г., стр. 441—442) и другіе. Между тѣмъ, остается незамѣченною одна важная грамота земскаго ополченія въ Новгородъ (Доп. къ А. И. I, № 166), которая свидѣтельствуетъ намъ, что въ первыя же двѣ недѣли по освобожденіи Москвы, то-есть, въ началѣ ноября, въ Москвѣ уже подумали о созваніи избирательнаго собора и „о обираньѣ государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь [1]) и въ Астарахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу и во всѣ городы Московскаго государства, чтобъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства, изо всякихъ чиновъ люди, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государствен-

---

1612 г., земскій соборъ съѣзжался для царскаго избранія не одинъ разъ, а два: въ концѣ 1612 г., когда дѣла рѣшить не успѣли, и въ 1613 г., когда былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ. Такой фактъ нашъ историкъ почерпнулъ изъ письма Гонсѣвскаго, который осенью 1612 г. участвовалъ въ походѣ Сигизмунда подъ Москву и во время своихъ военныхъ операцій поймалъ нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, «торопецкихъ пословъ»; они, по словамъ Гонсѣвскаго, были на Москвѣ для избранія царя, но, не рѣшивъ ни на чемъ, уѣхали ни съ чѣмъ назадъ и объявили между прочимъ Гонсѣвскому, что избраніе царя назначено на 23-е марта. (Смутное время, III, стр. 292). Въ русскихъ источникахъ нигдѣ нѣтъ и намека на двѣ сессіи избирательнаго собора. Простое хронологическое соображеніе говоритъ намъ, что Гонсѣвскій ошибся, что между концемъ октября и февралемъ не могло состояться двухъ собраній выборныхъ, ибо съѣзды ихъ, при медленности вообще тогдашнихъ сообщеній, затруднялись еще и вслѣдствіе смуты. Такимъ образомъ, одинокое и сомнительное свидѣтельство Гонсѣвскаго остается загадкой, если не предположить, что онъ поймалъ торопецкихъ выборныхъ изъ числа созванныхъ княземъ Пожарскимъ въ Ярославль, затѣмъ послѣдовавшихъ за ополченіемъ въ Москву и оттуда отпущенныхъ ввиду созванія новаго собора для избранія царя.

[1]) Представителей Сибири обыкновенно не замѣтно на земскихъ соборахъ. Въ 1682 г., собирая представителей отъ торговыхъ и посадскихъ людей, московское правительство прямо указало прислать выборныхъ изо всѣхъ мѣстъ тогдашней Руси, *кромѣ Сибири*, что извѣстно намъ документально (Полн. Собр. Зак. II, № 899). Ввиду этого, упоминаніе о Сибири въ грамотѣ ополченія получаетъ нѣкоторый интересъ. Желая провѣрить, дѣйствительно ли Сибирь была привлечена къ дѣлу избранія государя, мы обратились къ подписямъ на избирательной грамотѣ собора 1613 г. (С. Г. Г. и Д. I, № 203), но среди нихъ не нашли ни одной подписи за сибирскіе города. Этотъ фактъ врядъ ли можно объяснять случайностію; вѣроятнѣе, что представителей Сибири вовсе не было на соборѣ 1613 года, какъ и на прочихъ.

ныхъ и земскихъ дѣлъ, прислали .... къ Москвѣ“ (Доп. къ А. И. т. I, № 166, стр. 294). Приглашенные представители земли съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 г. Объ этомъ мы можемъ судить по тому обстоятельству, что въ январѣ, не позднѣе, избирательный земскій соборъ даровалъ князю Трубецкому въ вотчину область Вагу, что̀ и засвидѣтельствовалъ своею грамотою отъ января 1613 г. (Др. Росс. Вивл., т. XV, стр. 201) [1]). Послѣ пререканій, длившихся такимъ образомъ мѣсяцъ, земскій соборъ выбралъ въ цари Михаила Ѳедоровича Романова и остался при немъ поддержать авторитетомъ всей земли молодаго царя въ первые годы его правленія.

Мы не будемъ распространяться о данныхъ для дѣятельности этого собора. Часть ихъ прекрасно разработана А. П. Барсуковымъ во второмъ томѣ его „Рода Шереметевыхъ“. Мы же позволимъ себѣ представить лишь немногія соображенія относительно состава собора 1613 г. О составѣ его даетъ намъ свѣдѣнія только избирательная грамота собора (Собр. Г. Гр. и Д. I № 203). Строго говоря, она не можетъ служить источникомъ для исторіи событій того времени, такъ какъ въ нѣкоторой своей части почти буквально списана съ избирательной грамоты Бориса Ѳедоровича Годунова (А. Э. II № 7), а во второй половинѣ составляетъ вольный пересказъ другихъ современныхъ ей документовъ [2]). Но эта грамота избирательная дорога намъ

---

[1]) Несмотря на совершенно спутанныя въ печати хронологическія даты этой грамоты, мы увѣренно относимъ ее къ январю 7121 (1613) года, основываясь на содержаніи грамоты: въ ней походъ Сигизмунда подъ Москву (въ 1612 г.) трактуется, какъ событіе прошедшее (стр. 207), а царское избраніе, какъ событіе еще несовершившееся (стр. 208). Стало быть, грамота писана никакъ не позже 1613 года, хотя въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ она и помѣщена подъ 1614 годомъ.

[2]) Опредѣленіе состава этой грамоты—не наша цѣль; поэтому, въ подтвержденіе нашей мысли о несостоятельности этого памятника, мы ограничимся указаніями на нѣкоторыя только заимствованія въ этой грамотѣ. Въ ней, напримѣръ, начало (родословіе) прямо выписано изъ избирательной грамоты Бориса Годунова (С. Г. Гр. и Д. I № 203.—А. Э. II № 7). Слова Бориса къ земскому собору—изъ той же грамоты собора 1598 г.—вложены цѣликомъ въ уста Михаила Ѳедоровича (С. Г. Гр. и Д, I, № 203, стр. 620, и А. Э. II № 7 стр. 21; со словъ: «Не мните себѣ того»...). Слова иноки Александры приписаны инокѣ Маѳѣ (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 628, и А. Э. II № 7, стр. 33—34; со словъ: «И толикъ плачь и вопль и рыданіе»...). Длинная рѣчь патріарха Іова къ Борису превратилась, съ незначительными измѣненіями, въ рѣчь арх. Ѳеодорита Михаилу Ѳедоровичу (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 622, и А. Э. II № 7 стр. 21—23; со словъ: «не буди противенъ вышняго Бога промыслу»...). На-

тѣмъ, что на ней находятся подписи соборныхъ людей. Всѣхъ подписей — 277. Изъ нихъ 57 подписей принадлежатъ духовенству, 136 подписей—боярамъ и высшимъ служилымъ чинамъ, а остальныя 84 подписи—городскимъ выборнымъ свѣтскихъ чиновъ. Представлены же были по меньшей мѣрѣ 50 городовъ, кромѣ престольной Москвы. Такимъ образомъ, на 50 городовъ приходится 84 подписи, не считая подписей духовенства изъ городовъ, или среднимъ числомъ по двѣ подписи на каждый городъ. Но это не значитъ, что города имѣли только по два представителя на соборѣ. Подписавшіе грамоту городскіе представители почти всѣ подписывали не за однихъ себя, а за всѣхъ представителей своего города и уѣзда, и поэтому мы лишены возможности точно опредѣлить численный составъ собора. Тѣмъ не менѣе, смѣло можно сказать, что соборъ 1613 года былъ очень люденъ сравнительно съ другими соборами. Мы знаемъ, что Пожарскій звалъ по десяти человѣкъ отъ города (Доп. къ А. И. I, № 166, стр. 294), и можемъ по нѣкоторымъ даннымъ заключить, что города не скупились на число своихъ выборныхъ, а присылали даже и больше указанной нормы. Такъ, о Нижнемъ Новгородѣ извѣстно, что онъ послалъ „для царскаго обиранья“ трехъ поповъ, тринадцать посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного дьяка, всего 19 человѣкъ, кромѣ выборныхъ отъ дворянъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій. Между тѣмъ изъ этихъ 19-ти лицъ только четверо росписались на избирательной грамотѣ (Дворц. Разр. I, Прилож. № 13, ст. 1085—86, и подписи въ С. Г. Гр. и Д. I № 203). Въ виду этихъ данныхъ,

---

конецъ, извѣстная сцена народнаго плача и просьбъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанная въ избирательной грамотѣ Бориса, цѣликомъ перенесена въ Кострому составителемъ грамоты 1613 г. (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 627; со словъ: «Преосвященный архіепископъ... и съ нимъ весь вселенскій соборъ»... и А. Э. II № 7, стр. 32—33; со словъ: «Святѣйши же Іевъ Патріархъ и съ нимъ весь вселенскій соборъ»...). Этими примѣрами далеко не исчерпываются всѣ заимствованія грамоты царя Бориса, которая, при этомъ, была не единственнымъ источникомъ для составителя грамоты 1613 г. Онъ имѣлъ въ виду и наказъ собора посламъ, отправленнымъ въ Кострому, откуда заимствовалъ рѣчь арх. Ѳеодорита къ Михаилу Ѳедоровичу (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 616; отъ словъ: «Вѣдомо ему, Вел. Государю»..., и ibid. III, № 6, стр. 16; отъ словъ: «Вѣдомо тебѣ, Вел. Государю»...) и извѣстительную грамоту посольства изъ Костромы въ Москву о согласіи Михаила Ѳедоровича принять престолъ; отсюда въ формѣ вольнаго пересказа заимствована рѣчь посольству иноки Марѳы (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 620, и III № 10 стр. 41—42; со словъ: «а онъ, Государь, еще не въ совершенныхъ лѣтѣхъ»...).

если мы примемъ, что каждый изъ пятидесяти (minimum) представленныхъ городовъ прислалъ на соборъ не девятнадцать человѣкъ, какъ Нижній Новгородъ, а только десять, согласно указанной нормѣ, то получимъ очень солидную цифру—500 городскихъ представителей. Сложивъ эту цифру съ числомъ представителей духовенства и высшихъ московскихъ чиновъ, которыхъ на соборѣ было болѣе двухсотъ, мы получимъ составъ собора въ семьсотъ слишкомъ человѣкъ,—выводъ гадательный, но не невѣроятный. Многолюдствомъ собора можно отчасти объяснять и тотъ фактъ, что соборъ зачастую засѣдалъ въ самомъ просторномъ помѣщеніи тогдашней Москвы—въ Успенскомъ соборѣ.

Соборы царствованія Михаила Ѳедоровича описаны не разъ, и описаны удовлетворительно. Разряды, которыми доселѣ не пользовались для этихъ описаній, группируютъ въ себѣ почти весь матеріалъ для исторіи соборовъ первой половины XVII вѣка, извѣстный ранѣе по отдѣльнымъ грамотамъ, разбросаннымъ въ различныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, разряды даютъ новыя подробности и часто исправляютъ хронологію. Но изложеніе этихъ новыхъ данныхъ неудобно безъ повторенія давно извѣстныхъ вещей, и поэтому мы, оставляя ихъ въ сторонѣ, упомянемъ только о соборѣ 1622 года, который до сихъ поръ не принимался во вниманіе въ спеціальныхъ трудахъ по исторіи соборовъ. Деулинское перемиріе и созданныя имъ отношенія къ Польшѣ не удовлетворяли московскаго правительства; дипломатическіе раздоры съ Польшей не прекращались, и уже въ 1621 году Москва, пользуясь удобными обстоятельствами, желаетъ объявить Польшѣ войну. Правительство 12-го октября 1621 года доказываетъ земскому собору необходимость войны, и выборные люди обѣщаютъ всѣми средствами поддержать своего государя въ этой войнѣ (Книги Разр., I, ст. 773 и далѣе). Вслѣдствіе такого рѣшенія собора, 14-го октября 1621 г. „съ собора“ посланъ былъ въ Польшу гонецъ Борняковъ съ боярской грамотой къ „панамъ Радѣ“ (Кн. Разр., I, ст. 826—827). Грамота содержала въ себѣ рѣшительныя представленія и требованія московскихъ бояръ, за неисполненіемъ которыхъ долженъ былъ послѣдовать разрывъ и объявленіе войны Польшѣ.—Черезъ три съ половиной мѣсяца Борняковъ возвратился въ Москву и привезъ съ собою отвѣтный листъ „пановъ Рады“, по московскимъ понятіямъ крайне оскорбительный. Предстояла поэтому война. Но московское правительство, прежде чѣмъ ее объявить, снова обратилось къ земскому собору (въ началѣ марта 1622 г. то-есть, черезъ

пять мѣсяцевъ послѣ собора 1621 г.). На соборѣ были изложены всѣ обстоятельства отношеній къ Польшѣ, и вѣроятно, рѣшено было начать войну. Говоримъ: вѣроятно, потому что о соборѣ 1622 г. дошли до насъ очень неполныя свѣдѣнія—въ окружной царской грамотѣ отъ 14-го марта 1622 г., записанной въ разрядной книгѣ 7130 года (Книги Разр., I, стр. 830—831). Эта царская грамота, ничего не говоря о соборномъ рѣшеніи, повѣствуетъ о соборѣ такъ: „Мы Великій Государь.... совѣтовавъ съ отцомъ нашимъ.... святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ,.... учиня соборъ говорили.... митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору и бояромъ нашимъ и думнымъ людемъ и дворяномъ и всего Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, что намъ великому государю отъ Полского короля и отъ Пановъ Радъ такихъ неправдъ и многихъ грубостей и своему Государьскому имени безчестье болши того терпѣти не мочно.... И указали есмя съ собору боярамъ нашимъ и воеводамъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣхъ городовъ.... быти на нашу службу готовымъ тотчасъ, а ожидати о службѣ нашихъ грамотъ“. Таковы всѣ существенныя свѣдѣнія о соборѣ 1622 г. Весьма вѣроятно, что этотъ соборъ и соборъ 1621 года, бывшій пятью мѣсяцами раньше, принадлежали къ одной и той же сессіи. Долгія соборныя сессіи были въ обычаѣ тѣхъ лѣтъ. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича такія продолжительныя сессіи смѣняли одна другую и составляли постоянный земскій соборъ около молодаго государя. Въ этомъ согласны теперь всѣ изслѣдователи. Но нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что постоянное пребываніе въ Москвѣ земскихъ выборныхъ прекратилось въ 1619 году, между тѣмъ какъ гораздо естественнѣе предполагать, что постоянные земскіе соборы продолжались до 1622 г. Въ 1619 г., распуская одну сессію выборныхъ, правительство, вмѣстѣ съ этими выборными, рѣшило вызвать имъ на смѣну новыхъ городскихъ представителей, по пяти или шести отъ каждаго города (Книги Разр., I, ст. 615 и 618; С. Г. Гр. и Д. III № 47; А. Э. III № 105). Когда съѣхались эти представители и что они дѣлали, неизвѣстно, но изъ факта ихъ созванія ясно, что сессіей 1619 года постоянные соборы не кончились. Отъ 1620 года извѣстій о соборахъ нѣтъ (это строго говоря, еще не доказываетъ, что соборовъ de facto не было въ 1620 г.); за то отъ 1621 и 1622 гг. мы имѣемъ о нихъ свѣдѣнія. Послѣ же 1622 и до 1632 г., въ теченіе десяти лѣтъ, о соборахъ не слышно. Съ большой вѣроятностью можно поэтому думать, что

послѣднимъ годомъ постоянныхъ земскихъ соборовъ былъ 1622, а не 1619 годъ [1]).

Переходимъ теперь къ собору 1648—1649 гг., слушавшему уложеніе царя Алексѣя Михайловича. О внѣшней исторіи этого собора имѣются краткія, противорѣчивыя и научной критикой заподозрѣнныя данныя. Вопреки прямому смыслу такъ называемаго Предисловія къ Уложенію, наука говоритъ, что земскіе выборные ста тринадцати русскихъ городовъ (Архивъ ист.-юр. свѣдѣній Калачева, т. I, статья И. Е. Забѣлина, подписи) не только слушали Уложеніе и подписали его, но и вложили въ него значительную долю собственнаго труда, выработали его, создали. Еще въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія замѣчены были въ Уложеніи слѣды законодательной инициативы выборныхъ. Въ 1875 г. на нихъ указывалъ г. Сергѣевичъ (Сборн. Госуд. Знаній, II), а въ 1879 г. Загоскинъ обстоятельно занялся вопросомъ о дѣятельности выборныхъ по составленію Уложенія („Уложеніе ц. Ал. Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг.“). Трудами этихъ ученыхъ выяснилось, что въ Уложеніи до 88 статей въ восьми главахъ составлено при участіи или по иниціативѣ выборныхъ [2]). Особенно любопытна работа надъ Уложеніемъ

---

[1]) Изъ прочихъ соборовъ времени Михаила Ѳедоровича интересенъ по своей загадочности какой-то земскій соборъ, бывшій въ патріаршество Іоасафа I, то-есть, въ промежутокъ времени между 31-го января 1634 г. и 28-го ноября 1640 г. (Митр. Макарія Ист. церкви, XI, стр. 77 и 94). Отъ собора дошло до насъ только письменное мнѣніе, поданное духовенствомъ (*Записки Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества*, II, стр. 372—374 и Ист. Россіи *Соловьева*, XI, Дополненія). На соборѣ разсуждалось объ оскорбленіи въ Крыму государевыхъ пословъ и о мѣрахъ къ наказанію Крымцевъ. Трудно точно указать, когда произошло это оскорбленіе пословъ. Нельзя ли здѣсь разумѣть тѣхъ насилій, которымъ подверглись въ Крыму московскіе послы Коробьинъ и Матвѣевъ въ 1634—35 гг. на обратномъ пути изъ Константинополя, куда они были посыланы (Ист. Россіи *Соловьева*, IX т., изд. 1875 г. стр. 263—264)? Если же эта догадка справедлива и соборъ происходилъ въ 1634 или 1635 году, то его можно счесть за одно изъ засѣданій соборной сессіи 1632—1634 гг. Объ отношеніяхъ Москвы къ Крыму за то время часто упоминаетъ наказъ 1643 года московскимъ посламъ въ Константинополь (*Врем. М. Общ. Ист. и Др. Р.*, т. IX); но въ наказѣ нѣтъ свѣдѣній объ оскорбленіи въ Крыму московскихъ пословъ.

[2]) Глава VIII (статьи 1—7); гл. X (ст. 137, 146, 147, 149, 185, 236); гл. XI (ст. 1—18, 30); гл. XIII (ст. 1—7); гл. XV (ст. 2, 3); гл. XVII (ст. 34, 35, 42—44); гл. XIX (ст. 1—40); гл. XX (ст. 57—58). Объ этомъ у *Загоскина* «Улож. ц. Ал. Михайловича», стр. 55, 56.

г. Загоскина, исчерпывающая всѣ данныя для уясненія занимающаго насъ вопроса. Но и при всѣхъ своихъ достоинствахъ, трудъ уважаемаго ученаго допускаетъ нѣкоторыя исправленія и дополненія, къ изложенію которыхъ мы ниже приступаемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ число статей, составленныхъ при помощи земщины, должна быть внесена, кромѣ указанныхъ выше, еще и 3-я статья XII главы Уложенія („О судѣ патріаршихъ.... людей и крестьянъ"). Она представляетъ собою краткій пересказъ 2-й статьи XIII главы („О монастырскомъ приказѣ") въ примѣненіи къ болѣе ограниченному кругу лицъ. А извѣстно, что вся XIII глава возникла по иниціативѣ земскаго собора. Далѣе, г. Загоскинъ, отыскивая источникъ первыхъ 34-хъ статей XIX главы („О посадскихъ людѣхъ"), видитъ его въ двухъ челобитьяхъ земскаго собора отъ 25-го октября и 25-го ноября 1648 года, въ которыхъ выборные люди просятъ государя „отписать на себя" промышленныя слободы бѣломѣстцевъ (А. Э. IV № 32). Дѣйствительно, первыя 33 статьи XIX главы ясно вытекаютъ изъ этихъ челобитій. Статья же 34-я приказываетъ городскимъ торговымъ людямъ, которые записаны въ гостиную и суконную сотни, жить непремѣнно на Москвѣ, а не въ ихъ городахъ, и нести тягло съ городскихъ своихъ дворовъ, если они эти дворы не захотятъ продать. Содержаніе этой статьи, такимъ образомъ, не заключается въ содержаніи вышеназванныхъ челобитій, и Н. П. Загоскинъ ошибается, усматривая здѣсь зависимость. Статья 34-я вытекла изъ другаго совершенно челобитья, изъ челобитья гостей и гостиной сотни, поданнаго государю 4-го января 1649 года. (Доп. къ А. И. III № 47). Исторія этой 34-й статьи такова: въ іюлѣ 1648 года, во время московскихъ смутъ, посадскіе люди „разныхъ городовъ" били челомъ, чтобы дозволить ихъ товарищамъ, записаннымъ въ гостиную и суконную сотни, отправлять свою службу не въ чужихъ, а въ своихъ городахъ (А. Э. IV № 28). Правительство эту просьбу исполнило и тѣмъ возбудило неудовольствіе со стороны москвичей, членовъ гостиной сотни и гостей, которымъ отъ новаго порядка вещей тяжелѣе стало служить. Они 4-го января 1649 года подали челобитную, прося возстановленія старыхъ служебныхъ обычаевъ, и правительство, несмотря на то, что люди черныхъ сотенъ старались этому противодѣйствовать, согласилось на доводы гостей и гостиной сотни и указало взятымъ въ гостиную и суконную сотни людямъ жить по старому на Москвѣ, а не по городамъ. Этотъ-то указъ, отмѣнявшій предписаніе 1648 года, вошелъ въ

Уложеніе и составилъ 34 статью XIX главы, о чемъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая отъ 15-го февраля 1649 г. челобитная тѣхъ же гостей (Доп. къ А. И. III, № 47, стр. 158: „....а по твоему государеву Уложенію велѣно тѣмъ людемъ быти въ гостиной сотнѣ", то-есть, въ Москвѣ). Всѣ документы по этому любопытному дѣлу напечатаны въ „Дополн. къ Акт. Историческимъ" (т. III № 47) и совершенно ясно указываютъ на происхожденіе 34-й статьи иное, чѣмъ полагаетъ г. Загоскинъ.

Въ видѣ дополненія къ очерку дѣятельности земскаго собора 1648—1649 гг. слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ дѣлѣ по поводу запрещенія иностраннымъ купцамъ торговать внутри московскаго государства. Указъ, ограничивающій торговыя права англичанъ, обнародованъ былъ 1-го іюня 1649 г. Возникъ онъ, какъ въ немъ написано, по челобитьямъ „гостей и торговыхъ всякихъ людей", поданнымъ „въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 157 (1649) году" (С. Г. Гр. и Д. III № 138). Подъ челобитьями „прошлыхъ лѣтъ" можно разумѣть челобитье торговыхъ людей 1646 года, дошедшее до насъ (А. Э. IV № 13) и заключающее много жалобъ на недобросовѣстные пріемы торговли иностранцевъ. Челобитье же „нынѣшняго 157 года" долго оставалось неизвѣстнымъ, пока не было въ 1879 г. напечатано въ „Сборникѣ князя Хилкова" (№ 82 стр. 238—255) съ приложеніемъ всего дѣлопроизводства по этому челобитью. Изъ напечатанныхъ документовъ видно, что въ 1648 году торговые люди, вѣроятно, замѣчая безрезультатность своихъ прежнихъ челобитій по дѣлу о торговыхъ иностранцахъ, возбудили это дѣло на земскомъ соборѣ, составлявшемъ Уложеніе, и достигли того, что уже не одни торговые люди, а земскій соборъ во всемъ своемъ составѣ подалъ государю два челобитья, прося запретить иностранцамъ торговлю внутри государства. Одно челобитье было ото всѣхъ служилыхъ выборныхъ, другое—ото всѣхъ тяглыхъ. Государь, выслушавъ просьбу собора, приказалъ со своею думою, чтобы изъ посольскаго приказа была доставлена „память" о томъ, когда и какія торговыя права получали иноземцы въ Московскомъ государствѣ. Память эта, очень пространная и важная для насъ по массѣ данныхъ, была доставлена 20-го декабря 1648 года на имя князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго и дьяковъ Леонтьева, и Грибоѣдова, то-есть, на имя тѣхъ лицъ, которымъ была поручена редакція Уложенія. Этими лицами память была взнесена къ государю, который прослушалъ ее и затѣмъ подвергъ все дѣло объ иностранныхъ купцахъ на всестороннее об-

сужденіе земскаго собора. Выборные, какъ служилые, такъ и тяглые, опять категорически высказались о необходимости и возможности запретить иностранцамъ торговлю внутри государства и не пускать ихъ далѣе Архангельска. Ихъ такъ называемая „сказка“ очень тонко разоблачаетъ всѣ коммерческія уловки и плутни, употреблявшіяся въ ту эпоху иностранцами. Что слѣдовало затѣмъ по этому дѣлу, неизвѣстно, но чрезъ полгода правительство удовлетворило желаніе собора, и такимъ образомъ указъ 1-го іюня 1649 г. служитъ новымъ примѣромъ проявленія земской иниціативы на соборѣ 1648—1649 годовъ.

Земскій соборъ для составленія Уложенія былъ созванъ на 1-е сентября 1648 года, хотя подготовительныя работы по Уложенію начались въ іюлѣ еще мѣсяцѣ. Когда же соборъ кончилъ свое дѣло кодификаціи? На всѣхъ трехъ (а не двухъ, какъ полагаетъ Н. П. Загоскинъ) первоначальныхъ изданіяхъ Уложенія помѣщено вмѣсто выхода слѣдующее: „совершена сія книга..... лѣта 7157 генваря въ 29 день“. Такая дата долго заставляла думать, что 29 января 1649 г. Уложеніе было уже напечатано. Г. Загоскинъ a priori подвергъ это сомнѣнію, полагая, что Уложеніе печаталось позже, и въ связи съ этой догадкой высказалъ другую, что Уложеніе окончено было составленіемъ въ концѣ декабря 1648 г. („Улож. ц. Ал. Мих.“, стр. 63 и слѣд.). Но въ томъ же году, когда вышло изслѣдованіе г. Загоскина, были напечатаны документы, извлеченные членами археологическаго института изъ московскихъ архивовъ и опровергающіе предположенія г. Загоскина. На основаніи расходной книги печатнаго двора 7157 года, хранящейся въ библіотекѣ синодальной типографіи, оказывается, что Уложеніе впервые печаталось съ 7 апрѣля по 20 мая 1649 года (Сборникъ Археол. института, II, стр. 21). Составленіемъ же оно было кончено не въ декабрѣ 1648 г., а только 29-го января 1649 г., ибо слова: „совершена сія книга.... лѣта 7157 генваря въ 29 день“ находятся на подлинномъ столбцѣ Уложенія и, стало быть, показываютъ день окончанія законодательныхъ работъ (Сборникъ Археол. институт., II, стр. 11). Названіе столбца „книгою“ („совершена сія книга“....) не должно насъ смущать: здѣсь словомъ „книга“ означается не вещество осязаемое, а сводъ. — На основаніи приведенныхъ данныхъ можно сказать, что Уложеніе составлялось впродолженіе полугода, а это до нѣкоторой степени измѣняетъ ходячее мнѣніе о баснословной скорости, съ какою будто-бы былъ составленъ нашъ

кодексъ. Впрочемъ, и полгода—очень короткій срокъ для такой обширной работы, особенно если взять въ сравненіе продолжительность кодификаціонныхъ работъ въ европейскихъ государствахъ въ нашъ вѣкъ.

Въ заключеніе остановимся на земскомъ соборѣ 1653 года о присоединеніи Малороссіи. Съ этимъ соборомъ—вотъ уже 25 лѣтъ—связано странное недоумѣніе, которое легко разрѣшается исключительно съ помощію напечатаннаго матеріала. Въ обстоятельствахъ созванія этого собора Соловьевъ усмотрѣлъ еще въ 1857 г., что соборы, такъ сказать, вымерли: „осталась одна форма", соблюдавшаяся только по традиціи. Вотъ что писалъ онъ тогда въ полемической статьѣ противъ К. Аксакова: „6-го сентября 1653 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмѣльницкому (лижняго стольника Р. Стрѣшнева и дьяка Бредихина..... съ объявленіемъ, что онъ принялъ его (Хмѣльницкаго) въ подданство, а 1-го октября созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принимать-ли гетмана въ подданство" („Шлецеръ и анти-историч. направленіе", Русск. Вѣстн. 1857 г., апрѣль, стр. 449). Этотъ фактъ рѣшенія дѣла до созванія собора и превращеніе собора въ лишенную смысла церемонію указываютъ, по мнѣнію Соловьева, на вымираніе соборовъ и ихъ безсиліе подать помощь государству. Аксаковъ защищалъ значеніе собора 1653 г. Онъ писалъ въ отвѣтъ Соловьеву, что Московское правительство разъ уже (въ 1651 г.) заручилось согласіемъ собора на принятіе Малороссіи, а теперь, въ 1653 году, созывая соборъ послѣ рѣшенія дѣла, ждало отъ него только окончательной нравственной санкціи дѣла (Полн. собр. сочин. К. С. Аксакова, т. I, стр. 206—207). Но апріорныя догадки, какъ иногда онѣ ни симпатичны, всегда остаются только догадками, а скепсисъ Соловьева заставлялъ задумываться послѣдующихъ изслѣдователей. Оставалось въ подозрѣніи, имѣлъ ли соборъ 1653 года какой нибудь смыслъ, и совершенно яснымъ казалось, что дѣло было рѣшено до собора и соборъ былъ вовсе не нуженъ. Тѣмъ не менѣе, позднѣйшій изслѣдователь земскихъ соборовъ г. Загоскинъ становится на сторону Аксакова и старается—опять-таки гадательно — доказать, что соборъ 1653 г., имѣлъ значеніе. По мнѣнію Н. П. Загоскина, это ясно и безъ „предположеній" о первомъ соборѣ (1651 г.), на который ссылается Аксаковъ и который, какъ думаетъ г. Загоскинъ, есть ни что иное, какъ фикція, измышленная Аксаковымъ (Загоскина, Ист. права Моск. гос., I,

453334

стр. 295—296). А надобно замѣтить, что о соборѣ 1651 года есть печатныя извѣстія у Д. Н. Бантыша-Каменскаго въ „Исторіи Малой Россіи“ (М. 1822 г., I, стр. 3—4).

И такъ въ литературѣ и до нашихъ дней соборъ 1653 года не объясненъ удовлетворительно, и до сихъ поръ возможно полагать, что польско-малороссійскій вопросъ рѣшенъ былъ до его созванія. А между тѣмъ, недоразумѣніе разрѣшается просто: земскій соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25-го приблизительно мая 1653 г. по 1-е октября, и засѣданіе 1-го октября, отъ котораго до насъ дошло три различныхъ редакціи протокола (С. Г.-Гр. и Д. III № 157 и П. Собр. Зак. I № 104; Дворц. Разр. III, ст. 369; Акт. Южн. и Зап. Россіи, X, № 2), было послѣднимъ торжественнымъ собраніемъ выборныхъ людей этой сессіи. Стрѣшневъ и Бредихинъ, отправленные въ сентябрѣ, посланы были, очевидно, съ вѣдома собора и, такимъ образомъ, соборъ 1653 г. никакъ нельзя считать пустою формой. Къ такимъ выводамъ пришли мы на основаніи слѣдующихъ данныхъ: 1) Въ X-мъ томѣ Исторіи Россіи Соловьева (изд. 1877 г., стр, 312 — 316) приведены выписки изъ неизданныхъ дворцовыхъ разрядовъ 1654 года о торжественномъ отпускѣ, который данъ былъ 23-го апрѣля 1654 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ князю А. Н. Трубецкому и его войску, выступавшему въ походъ на Польшу. Царь говорилъ въ этотъ день рѣчь московскимъ и городскимъ дворянамъ, шедшимъ на войну, и между прочимъ сказалъ слѣдующее: „Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные, отъ всѣхъ городовъ дворянъ по два человѣка; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей; вы слышали это отъ своихъ выборныхъ“ и т. д. Въ этихъ словахъ государя для насъ важно извѣстіе о многихъ соборахъ въ 1653 (или, вѣрнѣе, въ 7161 году), тогда какъ обыкновенно принимался въ расчетъ одинъ соборъ или одно его засѣданіе 1-го октября. Далѣе, интересно сообщеніе, что на эти соборы 7161 года были вызваны дворяне въ количествѣ двухъ человѣкъ отъ города. Это извѣстіе можно сопоставить съ другою данной: 2) Въ III-мъ томѣ „Дворцовыхъ Разрядовъ“ (ст. 350—351) подъ 7161 годомъ читаемъ слѣдующее: „(Мая во 2 день посланы государевы грамоты въ Замосковные и во всѣ Украинные города).... велѣно во всѣхъ городѣхъ выслать изо всякаго города изъ выбора по два человѣка дворянъ добрыхъ и разумичныхъ людей, и выслать къ Москвѣ на

указной срокъ, мая къ 20 числу". Немного ниже читаемъ, что въ грамотахъ отъ 15-го мая этотъ „указный срокъ" измѣненъ былъ вмѣсто 20-го мая на 5-е іюня. Ясно, что вызывались въ Москву эти „добрые и разумичные" люди не для чего иного, какъ для земскаго собора, тѣмъ болѣе, что число ихъ—два изъ города—совпадаетъ съ указаніемъ царской рѣчи. Если эта догадка справедлива, то, стало быть, въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ Москвѣ уже составился земскій соборъ, которому и было предложено заняться польскими дѣлами. А что эта догадка справедлива, достаточно утверждается слѣдующей данной: 3) Въ „Актахъ, отн. къ исторіи Южн. и Западн. Россіи" въ X-мъ томѣ (Примѣчаніе къ № 2-му) читаемъ, что въ московскомъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ, въ Польскихъ дѣлахъ (св. № 4, тетр. № 6, на 22 лл.) „находится черновое, съ помарками, рѣшеніе земскаго собора, 25 мая 1653 года, о томъ-же литовскомъ и черкасскомъ дѣлѣ, безъ конца". Къ сожалѣнію, рѣшеніе это не напечатано. Но и одно упоминаніе о немъ для насъ чрезвычайно важно.—Очевидно, отсрочка пріѣзда выборныхъ до 5-го іюня состоялась слишкомъ поздно, и выборные, не воспользовавшись ею, собрались къ раньше указанному сроку, 20-му мая, а правительство нашло возможнымъ открыть соборную сессію не позже 25-го мая.—Къ этимъ свѣдѣніямъ о соборѣ 1653 г. необходимо прибавить, что по составу своему онъ несомнѣнно былъ полнымъ: разряды категорически говорятъ, что на соборѣ „изъ столниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, и изъ посадскихъ людей были выборные люди" (Дворц. Разр. III, ст. 369).

Бросимъ теперь общій взглядъ на обстоятельства дѣятельности земскаго собора 1653 года. Онъ былъ созванъ вскорѣ послѣ отправленія въ Польшу посольства князей Репнина и Волконскаго. Два уже года продолжались дипломатическія пререканія между Москвой и Польшей по поводу малороссійскихъ дѣлъ и оскорбленій государевой чести. Отношенія двухъ государствъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обострялись. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1653 г. въ Польшу были отправлены полномочные послы бояре, упомянутые князья Б. А. Репнинъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій для послѣднихъ переговоровъ. Они должны были рѣшительно требовать удовлетворенія государевой чести и наказанія виновныхъ въ умаленіи царскаго титула. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было приказано сдѣлать представленіе о малороссійскихъ дѣлахъ: сообщить о томъ, что Богданъ Хмѣльницкій переговаривается съ Москвой о принятіи его въ подданство,

и посовѣтовать полякамъ лучше обращаться съ украинцами (Соловьева, Ист. Россіи, т. X, изд. 1877 г., стр. 271 и слѣд.). Отправляя пословъ, московское правительство позаботилось одновременно и о созывѣ земскихъ представителей, желая имѣть ихъ подъ рукою, такъ какъ приближалась развязка польско-малороссійскаго вопроса, зависѣвшая всецѣло отъ исхода полномочнаго посольства. Выборнымъ, надо полагать, были представлены всѣ обстоятельства дѣла, и они, конечно, еще раньше 1-го октября высказались за принятіе Хмѣльницкаго и за войну съ Польшей, если только Польша не измѣнитъ политики.—Отправленіе Стрѣшнева и Бредихина въ Малороссію состоялось не иначе, какъ съ вѣдома собора, ибо порученіе, имъ данное, было весьма важно: они должны были объявить Хмѣльницкому, что государь его приметъ подъ свою руку, если посольство Репнина постигнетъ неудача. Стрѣшневъ и Бредихинъ выѣхали 6-го сентября, а въ серединѣ сентября воротился Репнинъ съ извѣстіемъ о полной своей неудачѣ. Тогда 20-го числа послали догнать Стрѣшнева, и ему было велѣно уже прямо объявить Хмѣльницкому о принятіи его государемъ. Чрезъ десять дней послѣ этого, 1-го октября, состоялось торжественное собраніе земскаго собора, въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи государя (Дворц. Разр. III, ст. 369). Было прочтено витіеватое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и была единодушно рѣшена война съ Польшей и принятіе Малороссіи. Прямымъ слѣдствіемъ такого соборнаго рѣшенія былъ царскій указъ боярину В. В. Бутурлину ѣхать къ казакамъ, принять ихъ оффиціально въ подданство и привести къ присягѣ. Указъ Бутурлину былъ объявленъ того же 1-го октября, въ той же Грановитой Палатѣ, гдѣ происходилъ соборъ, и, вѣроятно, на самомъ соборѣ (Дворц. Разр. III ст. 372). Ужь одинъ этотъ фактъ, что В. В. Бутурлинъ, какъ тогда говорилось, прямо „съ собора“ былъ посланъ исполнить соборное рѣшеніе, а не ранѣе, ужъ одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что засѣданіе 1-го октября имѣло значеніе и смыслъ: 1-го октября соборъ сошелся безо всякихъ разсужденій и преній утвердить давно выработанное рѣшеніе и этой санкціей закончить свою долгую сессію, которая, какъ мы видѣли, началась еще въ маѣ 1653 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №